

Глава IX. К диктатуре

Примо де Риверы

Пока полиция Сарагосы прибегала к целому ряду уловок и давлений, для того чтобы преподнести буржуазии и церкви возможных виновников смерти кардинала Сольдевилы, тот герой, представляемый прессой как центральное действующее лицо событий, «ужасный Дуррути» выходил из застенков Провинциальной тюрьмы Сан-Себастьяна. Неувязки правосудия!

Дуррути пообещал своей матери во время её последнего визита в тюрьму, что, как только он выйдет на свободу, сразу же приедет в Леон, чтобы погостить немного в кругу семьи. Но, узнав об аресте Аскасо и других товарищей из Сарагосы, он отменил поездку и без промедления отправился в Барселону.

Как только Дуррути прибыл в столицу Каталонии, ему стала понятна вся тяжесть тупиковой ситуации, царившей в анархистских и конфедеративных кругах. На первый взгляд просматривались три тенденции, причём каждая из них боролась за главенство в НКТ. Одна из них, занимая ошибочную революционную позицию, желала официально закрепить нападения как метод борьбы и любой ценой намеревалась достигнуть поддержки НКТ. Будучи в оппозиции к этой группировке, Анхель Пестанья разоблачал её методы на собраниях и съездах, называя их чуждыми НКТ и анархизму. Наконец большевики — члены Конфедерации (Нин, Маурин, Арландис) настаивали на своём желании руководить НКТ, параллельно создавая свои Революционные синдикалистские комитеты.

Что касается политики, то положение в стране было ещё более туманным. Политические партии, включая социалистическую, переживали глубокий кризис; одни нуждались в исторической перспективе, а другие страдали от идейного раскола, навязанного Коминтерном. Единственным ведомством, проявляющим себя как нечто крепкое и с обозначенной структурой, была армия; её влияние увеличивалось благодаря поддержке буржуазии и опоре на церковные круги, после смерти кардинала Сольдевилы тесно примкнувшие к военным.

Правительство возглавлял премьер-министр Гарсия Прието, второсортный и малодушный политик, который не мог сомкнуть глаз после передачи ему взрывоопасного досье о положении в Марокко. В процессе расследований генерала Пикассо на основе фактов стало ясно, что ответственность за кровавую бойню в Анвале несли многие политические деятели, включая самого Альфонсо XIII. Гарсия Прието, сознавая, что доклад о событиях не может быть сокрыт от Палаты депутатов, испытывал ужас от неизбежного скандала и откровенно жаждал удобного случая, чтобы подать в отставку. Этот политик настолько раболепствовал перед монархом, что скорее готов был провалиться сквозь землю, чем выразить своё мнение

перед королём.

Желания Гарсии Прието совпадали с намерениями Альфонсо XIII, который давно прокручивал возможные сценарии назначения в стране главы правительства склада Муссолини, по примеру Виктора Мануэля. В его мыслях было несколько кандидатур генералов, на манер сияющих звёзд. Самым сильным блеском обладало светило генерала Примо де Риверы — быть может, из-за их общего презрения к черни (то есть к народу). Одной из важных причин поощрения военного переворота для Альфонсо XIII, кроме его пренебрежения к Конституции, было желание раз и навсегда покончить с шумихой на тему «ответственности за войну в Марокко и его военные катастрофы». Однако возникала необходимость найти предлог — и в этой связи что может быть удобнее замысла покончить раз и навсегда с рабочим «бандитизмом», то есть анархо-синдикализмом? Такой манёвр был бы встречен на ура даже каталонской буржуазией, несмотря на её неприятие центральной власти из Мадрида.

Разногласия в правительственных кругах облегчили планы короля: «африканисты» противостояли сторонникам вывода войск из Марокко. Одним из приверженцев окончания военных действий или, как говорилось, уничтожения марокканской раковой опухоли, был Министр флота Сильвела. Он поручил генералу Кастро Хероне провести переговоры с Абд эль-Кримом (при посредничестве его делегата в Мелилье Дриса Бен Саида) о способе завершения этого военного конфликта. Алькалá Самора, министр обороны правительственного кабинета, и представитель графа Романонеса, главное заинтересованное лицо в продолжении войны в Африке, наложил вето на усилия Сильвелы. Такой запрет включал требование отставки последнего. Так и произошло. Новый министр назначил генерала Мартинеса Анидо командующим площади Мелилья, и через несколько дней после его вступления в должность нашли тело Дриса Бен Саида, изрешечённое пулями. Так было покончено с замыслом разрешить конфликт в Марокко мирным путём.

На собрании «Солидарных», назначенном по приезду Дуррути в Барселону, обсудили политическое положение в стране и внутреннюю проблематику в НКТ. На этом собрании присутствовал капитан Алехандро Санчо, технический сотрудник группы. Он проинформировал об атмосфере в военных верхах, где открыто говорилось о неизбежном военном перевороте и даже упоминалось имя генерала Примо де Риверы, как будущего диктатора. Санчо сказал, что со стороны военных практически не предполагалось сопротивления перевороту. Что касается солдат, то их оппозиция была нереальной, так как решения принимались в конечном счёте командующими. О работе Антивоенных комитетов: их недавняя организация не позволяет развернуть широкую деятельность. После того, как в казармах обнаружили печатные издания с призывами к восстанию, слежка усилилась, и стало почти невозможным проводить пропаганду. «Может быть, — сказал в заключение капитан Санчо, — в случае сильного давления со стороны рабочих, требующего вывода войск на улицы, как и в прошлом, могло бы произойти братание среди рабочих и солдат». Ввиду таких мрачных перспектив другие, не обладающие закалкой «Солидарных», может быть, и пали бы духом, но такие настроения не входили в их планы. Поэтому было принято решение упорно работать над организацией всеобщей забастовки с видами на последующее восстание как ответной меры военному перевороту. Для начала было необходимо восстановить ослабевшие профсоюзы рабочих, потерпевших сильные потери в результате

постоянных репрессий. И для реализации восстания было необходимо оружие.

Вновь встал вопрос о денежных средствах как необходимой составляющей плана. Для того чтобы достать нужную сумму, было решено совершить ограбление государственного банка. Исходя из соображений срочности выбор пал на филиал Банка Испании в Хихоне. Для выполнения этой операции назначили Дуррути и Торреса Эскартина; они выехали в астурийский город, планируя заезд в Сарагосу, чтобы разузнать о положении Аскасо и его товарищей в заключении¹⁶⁶.

В Сарагосе они пробыли совсем недолго, так как Дуррути и Торрес Эскартин были там довольно известны, а последний, кроме того, обвинялся в соучастии в покушении на Сольдевилу. Один из товарищей рассказал им новости. Если всё намеченное пойдёт по плану, буржуазия и церковники Сарагосы не дождутся казни Аскасо. Планировался побег узников, ожидавших наиболее строгих мер наказания в тюрьме Предикадорес. Кроме Аскасо среди них был Иносенсьо Пина, арестованный 13 июня того года, после перестрелки. В день его ареста также были задержаны Луис Муньос и Антонио Мур. Положение последних было тяжёлым, так как во время ареста от их рук погиб Лопес Солорсано — один из полицейских, правая рука инспектора Сантьяго Марти Багенаса, начальника¹⁶⁷ Brigada Social¹⁶⁸.

В тот же самый день Дуррути и Эскартин продолжили взятый курс на Бильбао. Один инженер, поддерживавший отношения с группой анархистов в столице Вискайи и помогавший им с покупкой вооружения, пообещал достать необходимое оружие при наличии денег. Нужно было купить тысячу винтовок. Дело было только за наличными.

Прибыв в Хихон и благодаря тому, что полиция города не знала их в лицо, они без особых волнений принялись за разработку плана нападения на банк.

Пока «Солидарные» в Леоне готовились к операции, генерал Примо де Ривера вместе со своим знатным сообщником уточнял план прихода к власти, и также без особых волнений, поскольку полиция, видя его манёвры, сохраняла спокойствие. Единственной силой, с большим интересом следившей за намерениями диктатора, имея на то свои причины, были НКТ и анархисты, так как они хорошо понимали: основной целью этого переворота является уничтожение анархизма и революционного синдикализма. Гарсия Оливер, направленный анархистскими группами из Барселоны, встретился с Национальным комитетом НКТ с целью координации действий для всеобщей революционной забастовки. Результаты этой встречи были неутешительными: кадры НКТ полностью обескровлены, и некоторые профсоюзные организации существуют лишь на бумаге. Волны репрессий, прошедшие одна за другой, демонтировали рабочие профсоюзы. Анхель Пестанья объяснил Гарсии Оливеру:

“ «Революция требует организации. Освобождающие энергии порождают явление творческой спонтанности. Для победы революции необходимо как минимум девяносто процентов организации, а мы находимся за чертой пятидесяти. Причины наших слабостей — потери в результате терроризма предпринимателей, к тому же наши собственные разногласия и губительная роль большевизма в наших рядах, что в некоторых местах, например, в Сабаделе, привело к дезориентации рабочего класса. Сегодня единственной

возможностью противостоять правительственному перевороту является единение всех сил — противников диктатуры, — подвёл итог Пестанья и добавил: — Но где эти силы? ВСТ не проявляет никакого интереса в сопротивлении военному перевороту».

В заключение он сказал:

“ «НКТ осталась в одиночестве перед лицом приближающейся диктатуры, но так как эта диктатура направлена против народных сил страны, а они объединены в НКТ, то при этих обстоятельствах, как всегда и поступал анархосиндикализм, организация отдаст должное своей революционной традиции»¹⁶⁹.

Анхель Пестанья не сказал ничего нового для Гарсии Оливеры, но в те тяжёлые моменты на встрече НКТ с членами анархистских организаций необходимо было выслушать его мнение; так, в августе 1923 года анархистские группы активизировали свои действия.

Из Хихона «Солидарные» получили срочное сообщение от Дуррути и Торреса Эскартина: всё готово, и нужно действовать быстро, чтобы не провалить операцию, потому что в Эйбаре их поджидала тысяча винтовок, заказанных от их имени неким лицом по фамилии Сулета, фабриканту Гáратэ и Анитуа.

Рассказ о крупном нападении, совершённом в Хихоне 1 сентября, мы позаимствовали у журналиста газеты El Imparcial («Беспристрастный»); на первой странице была опубликована статья под заголовком: «Вызывающее нападение на филиал Банка Испании в Хихоне. Воры, причинив тяжёлые ранения директору учреждения, похитили полмиллиона песет».

«Хихон, 1 сентября. В девять часов утра, сразу после открытия филиала Банка Испании, произошло первое в этой местности ограбление финансового учреждения, наиболее дерзкое из всех самых дерзких, до сих пор имевших место в Испании.

События развивались так:

Через главный вход банка вошли шестеро парней, одетые в рабочую одежду, их лиц не было видно из-за беретов и кепок, в руках — пистолеты. В центральном помещении произошла сильная паника среди служащих и посетителей. Один из разбойников встал у двери спиной к входу; в каждой руке — по пистолету. Остальные быстро направились к кассе. Тот, у двери, хриплым голосом громко приказал:

“Руки вверх! Никому не шевелиться!”

Воры, сделав два или три выстрела, с необычайной быстротой открыли кассу, вынули всё содержимое, также прихватив деньги на местах у служащих и на стойке.

На звук выстрелов на верхнем этаже появился директор филиала дон Луис Аскарате Альварес, мужчина пятидесяти девяти лет; перед тем как спуститься, он крикнул:

“Что происходит?”

Бандит — по-видимому, главарь, — ответил:

“Ни с места, не то мы вас прикончим!”

Тем не менее господин Аскарате спустился на несколько ступенек, и бандиты несколько раз выстрелили в него. Одна пуля тяжело ранила директора в шею. Господин Аскарате упал плашмя на пол, истекая кровью. Разбойники спрятали купюры в карманы и направились к двери, держа на прицеле служащих и клиентов банка. На улице они сели в ожидавший их автомобиль с включённым мотором и исчезли.

Перед этим они несколько раз выстрелили в сторону охранника, который попытался преградить им путь. Он хотел выпустить пулю из своего пистолета, но тот дал осечку. Бандиты сделали несколько выстрелов в сторону прохожих, чтобы те не помешали им проехать, и по балконам ближайших домов, на которые вышли зеваки, привлечённые криками и шумом выстрелов.

Охранник Феликс Алонсо, попытавшийся оказать сопротивление ворами, смог различить номер машины в тот момент, когда та притормозила, пропуская авто, пересекавшее улицу. Это был номер 434 — регистрация Овьедо.

Водитель — мастер своего дела, — ловко преодолев препятствия, точно и уверенно развернулся, выехал на улицу Бегонья, пересёк улицу Ковадонга и потом направился к шоссе на Овьедо.

По чистой случайности, — добавляет репортёр, — грабители не прихватили несколько миллионов песет. За несколько секунд до их входа в банк был открыт сейф, в котором хранились резервы — миллионы песет в купюрах.

По всей вероятности, нападение было запланировано, чтобы украсть деньги, предназначенные для платежей Компании ДуроФельгера. Бандиты присвоили 573 000 песет согласно быстрому подсчёту, совершённого сразу после нападения.

Полиция, преследуя бандитов, выехала на шоссе к Овьедо. Одна супружеская пара в сопровождении полицейского агента в трёх километрах от Хихона обнаружила водителя автомобиля. Его арестовали и доставили в Хихон. Вот его показания:

В четверг в Овьедо, шесть человек предложили ему в пятницу за плату съездить в Хихон, но вчера сообщили, что экскурсия откладывалась на более поздний срок, то есть на сегодня. Сегодня утром к нему пришли эти шестеро, с которыми он ранее договорился, и приказали выехать на Хихон. После того как машина подъехала к холму Пинтуелес, на шоссе вышли ещё два человека, и ехавшие в машине дали приказ остановиться. Как только мотор затих, водителю приставили к груди два пистолета. Двое мужчин на дороге приказали ему выйти

из автомобиля и следовать за ними.

Шофёр подчинился и смог увидеть, что один из тех шести сел за руль, — было видно, что он прекрасно знал эту марку автомобиля.

То место, где остались водитель и два разбойника, расположено на взгорье, и оттуда он видел, как удалялась его машина по дороге на Хихон. Когда авто совсем исчезло, два грабителя успокоили его и посоветовали не преследовать их; если он не окажет сопротивление, с ним будет всё в порядке и машину ему вернут на том же месте.

Его завели вглубь леса на холм Пинтуелес, метров на двести от дороги. Ждать долго не пришлось. Через некоторое время разбойники, следившие за всем с опушки холма, увидели машину и побежали с механиком к дороге, но машина проехала быстро и не остановилась. Тогда один из охранявших водителя, сказал ему:

“Видимо, они забыли, что мы их здесь поджидаем. Тебе лучше будет идти вперёд по шоссе, и там увидишь свою пустую машину”. Шофёр, испугавшись, убежал, а его сторожа исчезли. Воры его не обманули. Подойдя к месту километров в пятнадцати от Хихона — Альто де Прубия, — он увидел свою машину.

Какие-то женщины поблизости рассказали ему, что за четверть часа до того шесть человек вышли из автомобиля, спросили о дороге до станции Льянерас и тут же исчезли в указанном направлении.

Гражданская гвардия оцепила всю провинцию и устраивает облавы в горах неподалёку от шоссе. Один наряд полицейских задержал человека по имени Хосе Пуэйо, уроженца Ла Фельгеры, куда он и направлялся. Тот, увидев полицию, выбросил пистолет. Его отвели под конвоем в Хихон».

Так заканчивается заметка в газете — мы её прокомментируем попозже. А сейчас необходимо привести официальную версию происшествия, сообщённую журналистам министром внутренних дел герцогом Альмодоваром-дель-Валье. В его заметке — более правдоподобной, чем вышеприведённого журналиста, — говорится о четырёх грабителях, и это ближе к действительности, так как водитель оставался за рулём, а один из членов группы — у входа в банк. Эта версия отличается от газетной размером похищенной суммы: министр заявляет, что «после быстрого подсчёта было украдено более 700 000 песет». На самом же деле — около 650 000 песет. Можно согласиться, что в таких случаях имеет место игра с числами, ибо потерпевшие никоим образом не хотят упустить свою выгоду.

Что касается директора банка, то в газетах говорилось, что ввиду его тяжёлого состояния, ещё в больнице он составил завещание. Но это также не соответствует истине, ибо ранение было лёгким — простая царапина на шее. Тем не менее важно указать, при каких обстоятельствах был ранен господин Аскарате, единственная неполная жертва событий. Ниже мы приводим подробности, рассказанные одним из участников:

■

«Дуррути был мужчиной с хриплым голосом. Это он удерживал многочисленную публику на расстоянии. Директор банка, неожиданно и с опасностью для жизни, сбежал вниз по лестнице и направился к Дуррути, пытаясь обезоружить его. Дуррути некоторое время сопротивлялся с этим самоубийцей, который счёл грабителя слабым и испуганным и ударил его в лицо. Тогда Дуррути отодвинул типа подальше от себя — и в результате движения пистолет выстрелил. Пуля лишь задела шею Аскарате. Даже не существовало намерения ранить или убить кого-либо. Выстрелы в банке и за его пределами были сделаны в воздух и с целью напугать людей. Уже в машине Дуррути сказал по этому поводу: “Этот сумасшедший хотел умереть и пытался укунить меня за палец. — И показал раненый мизинец. — Что я должен был делать как страшный бандит, чтобы убедить самоубийцу, что лучше всего ему было не двигаться, а он в доказательство этого дал мне пощёчину, но у меня руки были заняты пистолетами...!»170.

Вернёмся теперь к тому моменту, когда машина была оставлена на шоссе. Действительно, группа намеревалась пойти в Льянеру, чтобы сесть на поезд; но, поразмыслив и принимая во внимание, что ввиду поднятой тревоги дороги и станции будут под строгим наблюдением, решили, что двое пройдут через лес с деньгами, чтобы взять курс на Бильбао и закрыть сделку с закупкой оружия. Этими двумя были Гарсия Виванкос (исполнивший роль шофёра) и Аурелио Фернандес. Дуррути, Субервьела, Торрес Эскартин и Эусебио Брау решили спрятаться в домике, прямо в горах. Несколько дней спустя их обнаружила Гражданская гвардия, оцепившая окрестные горы, но Фернандес и Виванкос, нёсшие деньги, смогли вырваться из облавы.

Утром 3 сентября Дуррути брился, Торрес Эскартин и Эусебио Брау обедали, а Грегорио Субервьела стоял на страже. Внезапно раздались голоса и появились полицейские. Грегорио оповестил всех — и завязалась перестрелка. Торрес Эскартин и Эусебио Брау выбежали вместе, а Дуррути и Грегорио — каждый по отдельности.

Самый жёсткий бой завязался между Гвардией (полицией) и Торресом Эскартином и Брау, которые не смогли укрыться — им пришлось принять атаку на себя. Практически они были окружены. Осада длилась несколько часов, и боеприпасы постепенно таяли. Со стороны Гвардии пал один человек — поблизости от Эусебио Брау. Тот под прикрытием выстрелов Эскартина попытался завладеть маузером и боеприпасами. Но это не удалось — он упал, смертельно раненный пулей. Между тем Торрес Эскартин лежал без сознания после сильного удара прикладом, нанесённого сзади одним из гвардейцев. Мёртвый и раненый были перевезены в казарму Гражданской гвардии. Там состояние Торреса Эскартина резко ухудшилось — его мучения были очень тяжёлыми. Почти полумёртвого, его перевезли в тюрьму Овьедо.

В газете El Imparcial приводится весьма беспристрастный рассказ о событии, однако после ареста Торреса Эскартина пресса изменила свой тон. Эскартин был замешан в убийстве кардинала Сольдевилы. Имена Эскартина и Аскасо наводили на связь с Дуррути, хотя пока что более всего занимала газетчиков фигура Торреса Эскартина. Перипетии продолжались. Судья, ведущий дело Аскасо, поспешил запросить перевод задержанного в другую тюрьму,

чтобы окончательно обосновать обвинение. Когда в Овьедо пришла новость о переводе, товарищи по камере подготовили для него побег — преждевременный, судя по его слабому здоровью. Тем не менее он, несмотря на мрачные перспективы этой затеи, согласился. Но, к несчастью, выпрыгнув со стены на улицу, подвернул ногу и не мог двигаться. Его товарищи попытались нести его на руках, но Торрес Эскартин убедил их, что в данный момент не было места для ложной жалости — надо было спасаться бегством. Держась за стены, он всё же смог скрыться от охраны; но мало-помалу силы оставили его, и он упал в обморок прямо у входа в какую-то церковь. Спустя несколько минут церковный служитель, выйдя из «дома Божьего» и увидев подозрительного субъекта, вызвал Гражданскую гвардию — и та опять отвезла его в тюрьму. В Леоне местная пресса в основном занималась темой Дуррути. В газетах была опубликована его фотография и рядом — список его «злодейств». Что же касается того, как Буэнавентуре удалось сбежать от преследователей, то здесь воображение воспользовалось всевозможными фантазиями и тонкостями. Даже появился рассказ о побеге Дуррути, переодетого в священника: он, якобы угрожая пистолетом, раздел того перед всей паствой¹⁷¹. В квартале Санта-Ана Анастасия стала самой знаменитой женщиной Леона. Всем, кто заговаривал с ней о её сыне- «воришке», она отвечала: «Не знаю, есть ли у него все те миллионы, но я наверняка знаю, что всякий раз, как он приезжает в Леон, я его одеваю, обуваю и даю денег на обратную дорогу»¹⁷².

Пока на всех посиделках обсуждались эти партизанские вылазки и покушения, люди даже не задумывались о том, что планируется в верхних эшелонах власти. «Солидарные» были на грани отчаяния и уверены в том, что время на исходе. Оружие, закупленное в Эйбаре, всё ещё оставалось на месте, а на календаре один за другим пробегали сентябрьские дни. Альфонсо XIII, немало удивлённый лёгкостью своей затеи, подумывал о роли нового Муссолини; но опытный и сообразительный политик Антонио Маура убедил его оставить это намерение.

7 сентября, Примо де Ривера встретился с Альфонсо XIII, и оба наметили совершение военного переворота на 15-е число того месяца. Однако по различным причинам нужно было перенести его на 13 сентября. С одной стороны, поторапливал генерал Санхурхо, а с другой, 19 сентября правительство приняло решение представить перед парламентом заключительные выводы по докладу Пикассо¹⁷³.

Таким образом, 13 числа, в два часа пополудни, генерал Примо де Ривера созвал представителей прессы в свой кабинет, чтобы проинформировать их о своём «Манифесте — Обращении к народу»:

«Это движение — дело настоящих мужчин: у кого не хватает мужества — пусть переждёт в укромном месте... Опираясь на оказанное мне доверие и оглашённый приказ, в Мадриде, с целью поддержания общественного порядка будет сформирована военная директория временного характера. Мы не желаем поста министра и не имеем иных амбиций, кроме службы Испании. Страна нуждается не в разговорах об обязательствах, а в том, чтобы знать их и потребовать без промедления их выполнения, по справедливости. Мы утверждаем коллективную ответственность политических партий и применяем полный запрет на их деятельность».

Речь генерала изобиловала перечислениями намеченных целей: покончить с терроризмом, коммунистической пропагандой, сепаратистскими потрясениями, инфляцией, обещанием решить марокканскую проблему и навести порядок в финансовом хаосе и т.д.

Один из журналистов задал вопрос, вдохновился ли Примо де Ривера «маршем на Рим».

“ «Нет необходимости, — ответил генерал, — подражать фашистам или великой фигуре Муссолини, хотя их поступки и послужили нам всем полезным примером. Но здесь, в Испании, у нас есть Соматен¹⁷⁴, и также у нас был Прим — прекрасный военный и великий политический деятель»¹⁷⁵.

После оглашения манифеста 13 сентября рабочий класс, разрозненный и ослабленный перед лицом армии, принял своё поражение проведением ряда вялых, неорганизованных и символических манифестаций. Политические партии, со своей стороны, не предприняли ничего, несмотря на то что манифест объявлял об их закрытии. Правительство, как безучастный наблюдатель, ожидало возвращения Альфонсо XIII из Сан-Себастьяна, где он проводил летний отпуск. Тем временем войска оккупировали государственные здания, включая Конгресс депутатов, откуда испарился знаменитый отчёт Пикассо.

14 сентября национальный комитет НКТ выступил с таким заявлением:

“ «Сейчас, когда налицо повсеместная всеобщая трусость и гражданская власть оставляет власть военным, не оказав сопротивления, рабочий класс обязан показать, что он существует, и не позволить пинать себя тем, кто нарушает все правовые нормы, желая свести на нет все завоевания рабочих, достигнутые в результате долгих и трудных сражений».

Заявление заканчивалось призывом рабочих к всеобщей забастовке. Лозунг был выдвинут без оптимизма, так как ожидаемое грандиозное выступление всего народа превратилось во всего лишь символическую оппозицию спонтанных акций, — героических, но одиночных, которые не привлекли масс. ВСТ и Соцпартия в тот же день также опубликовали свой манифест, призывая своих членов «не содействовать восстанию». А 15-го числа напечатали ещё один, в котором косвенно признавали диктатуру и предостерегали народ «против бесплодных протестов, за которыми могут последовать репрессии», и объявляли, что всем комитетам запрещалось принимать самостоятельные меры¹⁷⁶. Около полудня королевский поезд прибыл на Северную станцию Мадрида. На перроне находились все члены правительства. Гарсия Прието предложил королю отстранить от должности мятежного генерала. В ответ Альфонсо XIII заявил, что тот может выйти в отставку со всем своим правительственным кабинетом. Уже во дворце король послал телеграмму Примо де Ривере, в которой сообщалось, что, желая предотвратить кровопролитие, он официально вручал ему правление страной.

Диктатура была официально принята самим королём. Конституция, которую Альфонсо XIII поклялся защищать, была упразднена. Так началось царство беззакония, причём никто не знал наверняка, как долго продлится эта ситуация. Правдой было то, что политические

партии или их деятели приспособятся к новому положению, и то, что соцпартия попытается привыкнуть к новым временам без особой щепетильности социалистического сознания. Но самым трудным были положение и будущее рабочего класса. НКТ и анархизм чувствовали себя истинными представителями этого рабочего класса и не могли приспособиться и договориться с диктатурой, как намеревался ВСТ, не сделав уступок своим принципам. Подполье, таким образом, было логическим выходом для НКТ. Но что означало для неё быть в подполье? Разве она не жила в нём с самого своего рождения? Какие цели преследовала НКТ? Экономическое и политическое освобождение рабочего класса путём всеобщей экспроприации и «самоуправления» на всех уровнях. Могло ли это быть сделано законным путём? Нет, поскольку «кто проповедует рабочим, что в рамках закона можно достичь эмансипации пролетариата, тот обманывает народ, потому что закон гласит не отнимать у богатого его богатство, украденное у нас, а экспроприация богатства для всеобщей пользы есть то условие, без которого не может быть завоёвано освобождение человека»¹⁷⁷.

Таковыми являлись теория и практика НКТ. Вследствие чего по природе своей она была незаконной. И в рамках иллегализма — вне закона — НКТ чувствовала себя, как рыба в воде. «Солидарные» до максимума усилили меры личной безопасности по отношению к каждому члену группы; а то, что принадлежало коллективу — например, оружие, — о том они заботились со страстью людей, которые знают, что именно от этого зависит победа революции.

Наиболее срочными являлись действия по организации побега Франсиско Аскасо и Торреса Эскартина; последний ожидал перевода из Овьедо в Сарагосу. Что касалось долгосрочной перспективы, то Дуррути при поддержке Аскасо поручили организацию во Франции революционного центра, который должен был из-за границы оказывать поддержку работе будущего Революционного комитета в Барселоне для продолжения борьбы с капитализмом, государством и церковью.

Версия #2

Зверобой создал 12 июля 2025 23:13:50

Зверобой обновил 6 августа 2025 08:54:41